

ПОДПИСНАЯ ЦВЯ:

ХАРЬ-

первый

КОВЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Безъ доставки. Съ доставкою
и пересылкою, и пересылкою.

За голь 2 руб. сер. 2 р. 50 к. с.
— полгола 1 р. 25 к. 1 р. 60 к.—

Выход три раза въ недѣлью: по
Понедѣльникамъ, Средамъ и Пят-
ницамъ, исключая Свѣтлой не-
дѣли.—

Губернскія Вѣдомости:

Безъ переплета , 3 р. сер.
Въ переплете , 3 р. 85 к.
За доставку на дому или пере-
сылку по почтѣ въ голь 50 к.

СРЕДА,

29-е ЧЮЛЯ.

Подпишавшіеся на оба изданія вмѣстѣ платить за пересылку или доставку того и другаго не 1 р., а только 50 к. с.

II.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГОРОДА ХАРЬКОВА (*).

Бывшія въ Харьковѣ общества.

Первое общество благотворенія.—*Пансионъ* при гимна-
зии.—*Институтъ* благородныхъ дѣвч. —*Тобольскій кор-
респондентъ*.—Число членовъ.—Именитые члены.—*П. Г.
Демидовъ*.—*М. С. Кондратьевъ*.—*П. П. Веселицкій*.—*И.
В. Покхилевъ*.—Графъ Каменскій.—*П. Г. Корникій*.—
Новороссійскіи и *Черниговскій* корреспонденты.—*Н. Ф.
Алферовъ*.—Отчеты за четыре года.—Черты общества.—
Дежурнэ институтка.—Разные члены и благотворители.

Мановеніями Александра Благословен-
наго, исполненного христіанской любви
къ человѣчеству, отдаленнѣйше жители

Россія приходили въ общеніе этой любви въ составляющія общества благотворительныя, ученые, религіозныя. Первымъ изъ такихъ мановеній былъ указъ 16 мая 1802 года, на имя действительного замергера Витовтова, объ открытии благотворительныхъ обществъ. Въ 1811 году такое общество состоялось въ Харьковѣ, сколько мнѣ известно, стараниемъ Г. Т. Квитки, попеченіями котораго по томъ существовало довольно долго и простирало свои благотворныя дѣйствія глубоко—по значенію и далеко—по пространству. Списокъ желавшихъ составить общество и начертаніе правилъ его доставля (чрезъ губернского прелюдителя, гражданского губернатора и министра полиціи) къ Государю, въ 19 января 1812 года общество получило Монаршее благоволеніе за предмамѣреваемое дѣло, съ утвержденіемъ всѣхъ его представленныхъ правилъ.

Харьковское общество благотворенія,
(Приб. къ Харьк. Губ. Вѣд.)

(*) См. № 71 приб.

не теряя драгоценного времени, избралъ изъ своихъ членовъ предсѣдателемъ губернского предводителя А. Ф. Квитку, а правителемъ дѣлъ учредителя Г. Ф. Квятку, въ первое же засѣданіе сдѣлало разныя распоряженія къ облегченію участія бѣдныхъ, выѣзжихъ, по поводу членовъ, право, на вспоможенія, и обратило особынное вниманіе на воспитаніе сиротъ изъ дворянъ въ дѣтей бѣднѣшихъ дворянскихъ семействъ. Для воспитанія дѣтей недостаточныхъ родителей и вообще въ пользу просвѣщенія края положено: дѣтей мужескаго пола опредѣлять въ особо-учрежденій при харьковской гимназіи пансионъ, а для дѣвицъ устроить, безъ малѣйшаго отлагательства, институтъ, въ которомъ воспитывались бы 20 дѣвицъ на счетъ членовъ общества—съ цѣллю приготовить благонадежныхъ воспитательницъ для поступленія въ достаточные дома обучать дѣтей. Не буду распространяться объ институтѣ, исторія котораго заслуживаетъ отдѣльного подробнаго изложенія и отнесена мною въ Описанію Харькова въ послѣднее время, во той причинѣ, что выститутъ этотъ продолжаетъ свое существованіе въ настоящее время, хотя въ вышелъ изъ завѣщанія общества благотворенія; но можно ли умолчать о томъ, что Марія Феодоровна, рескриптомъ отъ 11 марта, на имя губернского предводителя, изъявила свое желаніе—«за все предназначенія общества, въ пользу страждающаго человѣчества, увѣщаются совершенными успѣхомъ!»

Общество первоначально помѣщалось въ домѣ Фотієва и вскорости перенѣгено въ домѣ Зарудной, нынѣ Шадровскихъ, съ круглою залою.—Члены обязывались взносить въ общество по 25 рублей ежегодно. Скоро вругъ дѣйствій этого

учрежденія, въ первый же годъ его существованія, распространялся до отдаленныхъ частей отечества. Такъ, въ томъ же (1812) году полковникъ артиллеріи фонъ-Креммеръ представилъ харьковскому обществу благотворенія, изъ Тобольска, положеніе дѣвицъ княжень Ратиевыхъ, дочерей предсѣдателя тобольской гражданской палаты, которыхъ, съ смертю родителей, лишились пристанища и пропитанія, и совѣтъ общества поспѣшивъ доставить имъ пособіе чрезъ полковника Креммера, прося его уведомлять, что еще нужно будетъ сдѣлать въ пользу сиротъ. Это было опубликовано въ вѣдомостяхъ 1812 г., и живое вдало отъ Тобольска родственники княжень доставили имъ все необходимое для безбедной жизни, о чёмъ Креммеръ немедленно извѣстилъ общество. При этомъ онъ принялъ на себя званіе корреспондента общества и доставилъ ему нѣсколькоихъ членовъ изъ тобольскихъ чиновниковъ, привошеніями которыхъ оказана тамъ помощь семидесяти семействамъ.

Вскорѣ число членовъ дошло до 200, между которыми было шесть «именныхъ», получившихъ это название по 4 статьѣ «Правилъ Общества», за значительнейшія приношенія. Несправедливо было бы остановиться на общемъ выраженіи значительности благотворній именныхъ членовъ, и потому скажу о важности изъ нихъ порознь.

Дѣйствуетъ стат. совѣтъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ опредѣлялъ взносить ежегодно по 1000 р., и кроме того доставлять также ежегодно значительныя суммы для раздачи бѣднымъ, для составленія капитала общества и для потомцевъ его имени (Демидовскихъ) въ пансионѣ при гимназіи въ институтѣ. Этимъ именемъ совѣтъ общества удо-

стоявъ только приложившихъ въ учении и отдачейшихъ въ благородствіи. Нельзя также не упомянуть о заслугахъ благодѣяніяхъ Демидова, вѣнѣ общества, по всей Россіи. Кому не известно, что Ярославскій лицей обязанъ ему своимъ бытіемъ и благосостояніемъ? Но конечно же всѣмъ известно, что изъ этого училіца университетъ нашъ получалъ нѣсколько первыхъ своихъ профессоровъ, въ которыхъ Филомеонтскій, при имени Демидова, всегда вспоминалъ, что бывъ его воспитанникомъ, гордился этимъ, и до конца жизни съ пламеннымъ чувствомъ, а вногда и со слезами благодарности и любви, легко произносилъ тяжелое двустишие геніальнаго поэта Державина:

«Благословенъ срѣдь позднихъ вѣковъ
«Да будетъ другъ сей человѣковъ!»

Быть можетъ не всякому также известно, что для московскаго университета Демидовъ сдавалъ вкладъ, дававшій тогда до трехъ тысячъ процентовъ; — что предполагали тогда университеты въ Киевѣ и въ Тобольскѣ, и что для нихъ Демидовъ тогда же взнесъ такие же вклады. Въ послѣдствіи, какъ увидимъ, Павелъ Григорьевичъ пожертвовалъ 20,000 руб. на домъ для института.

Сумскаго уѣзда помѣщикъ генералъ-прокураторъ лейтенантъ Михайло Степановичъ Кондратьевъ, известный въ цѣломъ краѣ благотворительностью, давалъ ежегодно по 1,000 руб. въ даже предполагая «упрочить часть своего имѣнія для доставленія обществу на всегда значительного дохода», но не успѣвъ сдѣлать распоряженія, за скорою послѣ того смертію.

Подполковникъ артиллеріи и кавалеръ Петръ Петровичъ Веселицкій взносилъ ежегодно по 500 руб., предполагая на-

значить капиталъ для доставленія обществу постоянныхъ доходовъ навсегда, но вскорѣ падъ съянію смертію за отечество на полѣ Бородинскомъ.

Помѣщикъ Курской губерніи Николай Васильевичъ Похвисневъ предоставилъ совѣту право получать изъ казны и раздавать на пособія бѣднымъ награжденіе, приобрѣтенное имъ за вѣрную, храбрую и долголѣтнюю службу отечеству.

Генералъ отъ инфanterіи и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Сергій Михайловичъ Каменскій взносилъ ежегодно по 300 руб. Изъ уваженія къ нему совѣтъ общества называлъ одного пансіонера воспитаникомъ графа Каменского, и графъ, узнавши объ этомъ, прислая еще 200 руб. на экипировку и нужные для него зваги. Совѣтъ испросилъ у графа его портретъ для залы собраній общества.

Помѣщикъ Черниговской губерніи Петръ Григорьевичъ Корецкій взносилъ ежегодно по 500 руб., и одна изъ дѣвичъ называлась воспитаницею Корецкой.

Д. Т. Мазко, въ Екатеринославѣ, принялъ на себя обязанность быть корреспондентомъ общества во всемъ Новороссійскомъ краѣ, умножилъ въ этомъ краѣ число членовъ и благородно распоряжался благотворительными суммами.

Г. И. Бажановъ, черниговскій корреспондентъ, вносилъ деньги въ приказъ съ цѣлью составить капиталъ для содержания, изъ процентовъ, дворянскихъ сыновей въ гимназіи, а дочерей въ Харьковскомъ институтѣ, и въ теченіе одного (1815) года собралъ до 2,700 руб.

Помѣщикъ Николай Федоровичъ Альферовъ, по случаю смерти А. А. Чалышына, — «принялъ на себя обязанность платить отъ имени покойнаго его благодѣтеля назначенную обществу сумму».

Это оцѣнено обществомъ, какъ благотвореніе, какъ пранятіе на себя обѣтова близкаго, и, еще болѣе, какъ гласное признаніе своего благодѣтеля.

Вообще, съ открытия общества по 1815 годъ; въ Харьковѣ сдѣлано всѣмъможеніе 45 семействамъ дворянскаго званія; одному осѣвшему улану возвращено зрѣніе пособіемъ медика, приглашенаго совѣтомъ этого учрежденія, но, къ сожалѣнію, имя искуснаго врача миѣ неизвѣстно; 12 воспитанниковъ опредѣлено въ военную службу; тремъ моло дымъ дворянамъ доставлены пособія для отправленія въ армію, и выпущена одна воспитанница, окончившая курсъ ученія въ институтѣ. Вотъ краткій обзоръ отчетовъ общества за первые четыре года.

Харьковское общество благотворенія отличалось чертами семейственного простодушія, и старалось передать ихъ своимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ, которыхъ содержало очень врилично, но въ благородной простотѣ, далекой отъ роскоши и вычурности. Приведу примѣръ простосердечія воспитанницъ. Дежурная лѣкарка обязана была наблюдать за порядкомъ въ институтѣ по частіи хозяйственной и учебной, смотрѣть за кухней, и на другой день подавать обо всемъ подробнную записку съ собственнымъ замѣчаніемъ, по ея усмотрѣнію. Въ одной изъ такихъ записокъ, между прочимъ, сказано: «обѣдъ состоялъ по обыкновенію изъ трехъ блюдъ: борщу, капи и жаркаго; но хорошо-ли было кушанье изготивлено, или былъ въ чёмъ недостатокъ,— не могу сказать своихъ замѣчаній, потому что, за слабое знаніе урока, была я въ тотъ день безъ обѣда».

Между тѣмъ какъ важныя пожертвованія дѣлались членами и сторонними

благотворителями, явно вътайна, вѣкоторые, помышляя о своей смертности, хотѣли продолжать благотворенія даже за гробомъ, и съ этой цѣлью вносили въ приказъ отъ 250 до 500 руб. для доставленія обществу процентовъ. Другие, напротивъ того, бывъ членами, стало отказываться отъ ежегоднаго доставленія 25 руб. «по разстроенному состоянію», «по непредвидимому случаю», «по дурнымъ обстоятельствамъ», «по случаю мѣстнаго неурожая», «по худому сбыту волки», «по незапросу на шерсть»,— словомъ, по безконечнымъ причинамъ. Общество, въ духѣ правителя дѣлъ Квитки, простодушно изъявляло сожалѣніе о столь непріятномъ положеніи такихъ членовъ и воззгало надежды свои на Бога Иисуса впрочемъ, въ отчетахъ своихъ, оно столь же простодушно высказывало мысль, что «справедливость или несправедливость скрыта въ сердцахъ каждого, а сердце человѣка можетъ проникнуть о динь Богъ... Благотвореніе—дѣло произвольное, а ве обязанность, и взысуве подлежитъ... Обществу остается, закрывая одною руково спасокъ таковыхъ, другою, отмѣная подаянія свято-использовающихъ свое обѣщаніе предъ Богомъ, совѣтію и несчастными брагіямъ,— вписывать новыхъ членовъ въ благотворителей, спѣшащи привносить тысячи и лепты свои на пособіе близкимъ; а судъ Божій пишеть каждому свое опредѣленіе!» Само собою разумется, что такое простодушіе навлекало на Квитку неудовольствие; самые успѣхи его были предметомъ зависти, недоброжелательства, клеветы. Надѣялся подшучивать, его задѣвали пасквилями, на ряду съ другими лицами и не шутя осуждали.

(До сѣлающ. АГ).

III.

Бреславль, 13 июля и. с. Шерсть. Въ течении послѣдней недѣли замѣтно было улучшеніе въ дѣлахъ съ шерстью, и въ это время продано до 600 цент., цѣнаю венгерская однострижная по 50 тал., высшая познанская 72—75 и такая же силезская 87—95 тал. Главными покупщиками были одинъ французскій оптовый торговецъ въ здѣшніе коммиссіонеры. Извѣстіе о заключеніи мира между Франціею и Австріею благопріятно подействовало вообще на всѣ дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на шерстяную торговлю; однако цѣны сувонъ во Франкфуртѣ да- леко не были таковы, что бы побудить фабрикантовъ къ вознагражденію цѣнъ на шерсть.

Берлинъ, 14 июля и. с. Шерсть Вмѣстѣ съ миромъ улучшилось и дѣло на шерсть,—впрочемъ это улучшеніе также мало оправдывается ходомъ торговли, какъ передъ этимъ паническій страхъ, распространившійся по случаю мобилизациіи войскъ, потому что потребно еще довольно времени, чтобы затечь раны, навесенные кризисомъ послѣдніхъ трехъ мѣсяцевъ. Уже перемиріе привлекло сюда иѣсколькихъ покупателей; извѣстіе о мирѣ, конечно, привлечетъ больше. Было произведено иѣсколько значительныхъ покупокъ, въ которыхъ на этотъ разъ участвовали вѣстніе фабриканты. Окончаніе начатыхъ дѣлъ часто прерывалось въ слѣдствіе получения извѣстій о мире, потому что продавцы не соглашались отдавать товаръ по тѣмъ цѣнамъ, за которыя уступали за день передъ этимъ. Сегодня цѣны на 5 тал. выше противъ начала недѣли. Выводовъ о нихъ,

впрочемъ, сдѣлать нельзя, потому что они подвергались безпрерывнымъ колебаніямъ и притомъ проложа составлялись подъ влияніемъ соображеній, основанныхъ на политическихъ обстоятельствахъ. Можно привести, что цѣны вообще на 5 тал. противъ цѣни прошлаго года; въ то же время за хорошую бранденбургскую и померансскую срединныхъ сортовъ платили сегодня 73—76 тал., хорошую 76—80, высокую 80—88 тал. Отсюда той же шерсти стоятъ 60—68 тал. Прусская и польская шерсть частно привезена, частно сегодня ожидается; русской мытой въ грязной мало. Склады здѣшніе полны и представляютъ богатый выборъ.

Одесса, 3 июля. Шерсть. Извѣстія о мире иѣсколько оживили требованія на этотъ товаръ и можно указать на слѣдующія операции во торговлѣ овимъ, а именно: 4,500 пуд. донской шерсти мытой, по контракту на августъ и сентябрь, проданы по 6 р. 25—38 кс. за пудъ, 1,000 пуд. донской мытой панической по 6 р. 20 к., 1,400 пуд. цагайской, по контракту на августъ, по 12 р. 75 к. и 500 пуд. линнай метисовой — по 18 р. 75 к. за пудъ.—

Запасъ хлѣба и сѣмени къ 1 июля бывъ слѣдующій: озимой пшеницы польской и бессарабской 420,000 четв., сандомирки 65,000, гирки одесской и херсонской 50,000, яровой пшеницы 15,000, вукурузы 250,000, ржи 180,000, овса 200,000, ячменя 90,000, льнянаго сѣмени 30,000; всего 1,00,000 четв.

IV.

Прощальный обѣдъ, давній Т. С.
Иллінскому.

Гг. преподавателямъ Харьковскаго Университета, 14 сего юля, давъ былъ прощальный обѣдъ въ честь бывшаго ихъ сочлены, ординарного профессора анатоміи Тимофѣя Степановича Иллінскаго, перемѣщенаго на ту же должность въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію. Къ сожалѣнію, по случаю вакационнаго времени, общество, собравшееся почтить любимаго своего товарища, было немногочисленно, хотя въ этомъ семействѣ обѣдѣ принялъ участіе почти всѣ члены университетскаго сословія, находившіеся на ту пору въ городѣ.

Первый тостъ провозглашенъ былъ за здоровье виновника обѣда, къ которому г. ректоръ университета А. Н. Родзлавскій-Петровскій обратился съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: Тимофѣй Степановичъ! Не долго служили вы въ Харьковскомъ Университетѣ: всего пять лѣтъ съ нѣсколькоими мѣсяцами; а между тѣмъ, въ короткое время своего пребыванія здѣсь, вы такъ привязали насъ къ себѣ, что мы разстаемся съ вами, какъ съ одномъ изъ близкихъ нашему сердцу. Чему приписать это? Гдѣ источникъ той притягательной силы, которой вы располагаете и влияніе которой, вѣроятно, испыталъ на себѣ каждый изъ присутствующихъ здѣсь? Не комплиментъ будетъ, а сущая правда, если я скажу, что источникъ этотъ заключается въ васъ самихъ, въ вашей любящей, глубоко симпатичной натурѣ, которая, соприкасаясь съ другими личностями, по закону сочувствія, возбуждаетъ въ нихъ любовь

и оставляетъ на всемъ окружающемъ ея слѣды своего теплого, живительнаго влиянія. Это то счастливое свойство вашей духовной организаціи и было причиной всеобщаго расположенія къ вамъ со стороны какъ вашихъ товарищѣй, такъ и слушателей, изъ которыхъ первые питали къ вамъ самую искреннѣйшую привязанность, а вторые видѣли въ васъ одного изъ любимѣшихъ своихъ наставниковъ. Отъ того, благодаря вашимъ талантамъ и знаніямъ, самая наука, обрабатывавшіе которой досталось вамъ въ удѣль, по-видимому, столь непривлекательная, въ устахъ вашихъ получила такую прелестъ, что аудиторія, гдѣ вы читали, всегда была полна и лекціи анатоміи въ харьковскомъ университетѣ посещались не только студентами, обязанными слушать этотъ предметъ, но и значительнымъ числомъ дилеттантовъ. Не думаю, что бы я ошибся, если въ грустное событие преждевременной разлуки нашей, позволю себѣ объяснять тою же психической причиной. Каждый, кто знаетъ васъ, легко согласится, что не материальныя выгоды побуждаютъ васъ къ оставленію службы въ Харьковскомъ Университетѣ, гдѣ вы окружены были общею любовью въ уваженіемъ, но привязанности иного рода. Съ вашимъ любящимъ седцемъ, съ вашей симпатической натурой труда было устоять противъ обольстительного предложенья принять профессуру въ томъ зведеніи, съ которымъ вы связаны самими тѣсными духовными узами, гдѣ вы сами получили образованіе и въ числѣ членовъ втораго находятся много вашихъ наставниковъ и товарищей юности. Вполнѣ признаемъ уважительность этой причины и безъ ропота говоримся необходимости лишиться одного изъ достойнѣшихъ своихъ сочленовъ. Вѣрьте,

перемѣна вами мѣста служенія никакъ не измѣнить нашъ чувствъ къ вамъ, и я убѣжденъ, что превозглашенный мною тостъ найдетъ сопутствіе между всѣми присутствующими здѣсь. Выпьемъ же, ми. гг., за здоровье хотя оставляющаго насъ, но тѣмъ не менѣе дорогаго вамъ Тимофѣя Степановича Ильинскаго.

Продолжительная в громкія ура были отвѣтомъ на тостъ, превозглашенный г. ректоромъ и свидѣтельствовали обѣ искреннѣмъ уваженію и горячей привязанности всѣхъ къ Тимофѣю Степановичу.

Когда золворвалась тишина, началь говорить прозекторъ и временный преподаватель анатоміи Ипполитъ Осиповичъ Вилькомирскій, взавѣтій на себя трудъ быть истолкователемъ ученыхъ заслугъ профессора, съ такою честію занимавшаго одну изъ важнѣйшихъ каѳедръ въ мелицкихъ факультетахъ. Вотъ содержаніе рѣчи, сказанной г. Вилькомирскимъ. Тимофѣй Степановичъ! Хотя давно уже ходили слухи о переходѣ вашемъ въ С.-Петербургъ, и, казалось, я долженъ былъ бы привыкнуть къ этой мысли, но тѣмъ не менѣе окончательное извѣстіе обѣ оставленіи вами нашего университета было для меня таѣ горестно, что, по истеченіи уже цѣлаго мѣсяца, содня получевшаго онаго, я только съ болѣшимъ усилиемъ могу преодолѣть свою печаль, чтобы, въ присутствіи вашихъ сослуживцевъ, товарищѣй и начальниковъ, въ нѣсколькихъ словахъ, съ вами проститься. Проститься съ вами, какъ съ заботливымъ и неусыпно-дѣятельнымъ профессоромъ, который пять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ по прибытіи своемъ, устранилъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій для успѣшныхъ занатій прозектора, устроивъ прозекторскую рабочую при анатомической аудиторіи, и по-

томъ все время бывъ неутомимымъ сотрудникомъ своего прозектора. Проститься съ вами и отъ имени того безмѣрнаго мѣста, въ которомъ разсыкаются и сохраняются матеріальные остатки нашихъ собратій для пользы будущаго преподаванія, и поблагодарить васъ за обогащеніе онаго. Проститься съ профессоромъ, который бывъ красою университета по единодушному сознанію слушателей, со слушавшими, товарищами и начальниками. Но могутъ возразить, что сослуживцы, товарищи и начальники часто заблуждаются посторонними слухами, не всегда вѣрными, что молодые юдеи иногда увлекаются, и что только одни специалисты въ состояніи произнести вѣлогрѣшительный приговоръ о внутреннемъ достоинствѣ профессора. Къ счастію, въ настоящемъ случаѣ, существуетъ рѣдкое согласіе въ оцѣнкѣ профессора. Я, по долгу своему постоянно присутствовавши при практическихъ занятіяхъ и лекціяхъ вашихъ, смѣю сказать, что нашъ университетъ теряетъ анатома-физиолога, который можетъ сравняться съ лучшими европейскими учеными и быть достойнымъ преемникомъ нашего знаменитаго Николая Ивановича Пирогова. Такою же внутреннею оцѣнкою, безъ сомнѣнія, руководилась и С.-Петербургская Медико-Хирургическая Академія, предоставивъ вамъ доиссыноваться причинъ смерти вашихъ собратій на томъ самомъ мѣстѣ, которое таѣ еще не давно было занято этимъ свѣтыломъ наукъ. Я вполнѣ увѣренъ, что на новомъ поприщѣ своей дѣятельности, въ которой вы начальствуете г. Пирогову, вы окажете столько же любви и рвения къ предмету, какъ и въ патолѣгіческое пребываніе у насъ, и патологическая анатомія обогатится новыми изслѣдованіями. Новое ваше по-

прище и обшире и представляетъ бо-
льше средствъ для занятій, а поэтому
вы можете больше сдѣлать для науки,
чѣмъ въ Харьковѣ. Эта-то единственная
польза для науки и одна можетъ не-
сколько уменьшить наше сожалѣніе и
потерю васъ для Харьковскаго Универ-
ситета. Но память объ васъ должна со-
храниться въ нашемъ университѣтѣ. Вы
были болѣе чѣмъ простой продолжатель
читаемаго уже предмета. Я считаю себя
обязаннымъ высказать здѣсь передъ ва-
шими сослуживцами, товарищами и на-
чальниками, что только съ вашего при-
ѣзда, въ 1853 году, начата преподавать-
ся настоящая физиологическая анатомія,
какъ она понималась новѣйшими анато-
мами. Поэтому, милостивые государи,
прошу васъ принять участіе въ предла-
гаемомъ мною тостѣ въ честь бывшаго
анатома-физіолога въ Харьковѣ и буду-
щаго анатома-патолога въ С. Петер-
бургѣ, Тимофѣя Степановича Ильинска-
го. На эти привѣтствія Тимофѣй Степа-
новичъ отвѣчалъ съ достовѣрствомъ и
скромностію, отличающею истинно уче-
наго, выраживъ въ теплыхъ, задушев-
ныхъ словахъ свои чувства къ универси-
тету, который, какъ говорилъ онъ, ос-
тается навсегда близкимъ его сердцу и
интересы которого онъ будетъ считать
своими собственными.

Потомъ предложены были тосты, на-
шедшіе живѣйшій отголосокъ во всемъ
собраніи: за здоровье г. Попечителя Харь-
ковскаго Учебнаго Округа Павла Василье-
вича Зиновьевъ, который, по представ-
ившейся необходимости уѣхать изъ го-
рода, не могъ принять участія въ этомъ
семейномъ празднике,—за помощника его
превосходительства Карла Карловича
Фойста; за процвѣтаніе Харьковскаго Уни-
верситета и за здоровье всѣхъ членовъ

его какъ присутствовавшихъ, такъ и от-
сутствовавшихъ, которымъ одна физиче-
ская невозможность, по случаю нахожде-
нія ихъ въ отпуску, помѣшила распро-
ститься съ лестійнымъ въѣми уважае-
мымъ товарищемъ. Въ заключеніе, по
единодушному желанію всѣхъ присут-
ствовавшихъ, выпить былъ бокалъ за
здравіе Ректора Университета и главна-
го устроителя обѣда А. П. Рославско-
Петровскаго, чѣмъ и окончился этотъ
скромный праздникъ.

VI

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Продается каменный двухъ-этаж-
ный домъ съ дворовымъ мѣстомъ и про-
чими постройками, принадлежащиіи же-
ньи титулъ. совѣт. Софії Закрицкой, со-
стоящей города Харькова, 3-й части, на
Панасовской улицѣ; о цпнѣ спросить у
хозяйки дома. (190)—2.

2) Въ аптекѣ братьевъ Роше полученъ
26 іюня новый транспортъ заграниц-
ныхъ минеральныхъ водъ разлива 1859
года. (97)—13.

3) Для СВЕКЛОВИЧНО-САХАРНЫХЪ
ЗАВОДЧИКОВЪ въ лавкѣ Морозова, подъ
домомъ Колупаева, въ переулкѣ возль
аптеки Роше, продается салфеточная
рядовина для выжимки свекловицы.—
(142)—13.

ПРИѢХАВШІЕ.

Изъ г. Полтавы, кол. сов. Капистѣ;
г. Ставрополя, ген.-маиръ Ежаковъ; г.
Вознесенска, кол. сов. Лихачевъ.

ВЫѢХАВШІЕ.

Въ г. Самару, кол. сов. Бахметевъ;
г. Чугуевъ, ген.-маиръ Нейсъ и полк. Че-
мерзинъ.